

картине французского общества, так мастерски нарисованной нашим путешественником».⁴

Достоевский подходит к оценке писем Фонвизина с другой стороны. Стремясь отграничить свою «почвенническую» позицию от позиций славянофилов 1840—1860-х годов, Достоевский рассматривает Фонвизина в «Зимних заметках» в равной мере как предтечу современных романисту западничества и славянофильства.

Белинский выделял и подчеркивал в письмах Фонвизина их остро современное, в понимании критика, социально-критическое содержание. Достоевский оценивает их смысл иначе: он готов видеть в них скорее выражение ставшей традиционной психологии русского не только дворянского, но и разночинного интеллигента, уставшего от нескольких десятилетий насильственной бюрократической «европеизации», проводимой «сверху» самодержавием, и потому втайне «весело» отводящего душу против нее гневными инвективами, направленными по адресу ни в чем не повинного «француза»: «Тут слышится какое-то мщенье за что-то прошедшее и нехорошее. Пожалуй, это чувство и нехорошее, но я как-то убежден, что оно существует чуть не в каждом из нас <...> я думаю, сам Белинский был в этом смысле тайный славянофил» (V, 50), «Бывают же минуты, когда даже самая благообразная и даже законная опека не очень-то правится» (V, 50—51).

Так оценка Фонвизина неожиданно перерастает под пером Достоевского в яркую культурную характеристику типа образованного русского барина XVIII в. и шире — в характеристику типа русского дворянского либерала вообще, не лишнюю сатирического начала и отдаленно подготавливающую образы русского «либерально-культурного» слоя 1840-х годов в «Бесах»: «Этот человек по своему времени был большой либерал. Но хоть и таскал он всю жизнь на себе неизвестно зачем французский кафтан, пудру и шпажонку сзади, для означения рыцарского своего происхождения (которого у нас совсем не было) и для защиты своей личной чести в передней у Потемкина, но только что высунул свой нос за границу, так и пошел отмаливаться от Парижа всеми библейскими текстами и решил, что „рассудка француз не имеет“, да еще и иметь-то его почел бы за величайшее для себя несчастье» (V, 53).

И все же Фонвизин в глазах Достоевского был не только типом либерального русского барина XVIII в., осмелившегося выступить против «европейских помочей», хотя «в фонвизинское время в массе-то почти ведь никто не сомневался, что это были

⁴ Белинский В. Г. Полн. собр. соч., т. VII. М., 1955, с. 119; ср. другой отзыв Белинского о тех же письмах — там же, т. IX, с. 677 («Письма Фонвизина так дельны, что только теперь настало время для их настоящей оценки»),